

6	0082	МИХАИЛ ЗЕНКЕВИЧ	"Земное Я"
---	------	-----------------	------------

"Земное Я" (Коренблит – Зенкевич)

От собеседника

Михаил Зенкевич относится к поэтическому направлению Серебряного века, называемому акмеизм, но в отличии более известных Ахматовой, Гумилева и Мандельштама он менее знаком широкому кругу читателей. Почему это произошло? Не берусь судить, но на мой взгляд этих причин несколько, одна из которых - не такая трагическая судьба, как у названных здесь поэтов, хотя у Владимира Нарбута, относящегося тоже к этому "цеху" и входящего в "шестерку", в которую зачисляли вместе с Сергеем Городецким себя сами поэты, жизнь была прервана в сибирском лагере, а его творчество также мало известно.

Тем не менее у М. З. совершенно очевиден для меня и, надеюсь, после прослушивания этого альбома, для Вас - свой почерк, свои придуманные слова, обороты, что является следствием совершенно самостоятельного, и это важно, мышления.

"Земное Я" - одно из близких мне утверждений о том, что наша земная жизнь является лишь частью, временным приютом для переплавки в горнилах Земли (и земного) беспредельной и бесконечной Жизни. Здесь звучит, в некоем смысловом "рондо", обращение Вселенского Я в Земное и обратно, через виток одной жизни.

Ваш Станислав Коренблит

1. Я	- 1.53
2. Ястреб	- 1.26
3. Мой поцелуй	- 1.23
4. Полет любви	- 1.18
5. Добывание огня	- 1.27
6. Подожду немного	- 1.11
7. Ночной музыкант	- 1.35
8. Словно сон	- 1.06
9. Вспоминай	- 1.10
10. Хрусталь дремотный	- 1.19
11. Заря	- 1.04
12. Осенняя паутина	- 1.34
13. Уйди	- 0.56
14. И нет ее	- 1.09
15. Листьев вороха	- 2.12
16. Иди потише	- 1.34
17. Непогода	- 1.05
18. Дорожное	- 1.07
19. Дальняя дорога	- 0.56
20. Вечер октября	- 0.57
21. В такую ночь	- 0.50
22. В городе	- 1.07
23. Негритянка	- 2.47
24. Осмелься	- 0.55

25. Скрипка	- 1.02
26. Богиня	- 1.29
27. Наваждение	- 1.17
28. Веселый вальс	- 2.02
29. Эх, если	- 1.35
30. Несорвавшееся слово	- 1.09
31. Дикая игра	- 0.52
32. Бывают минуты	- 1.33
33. Свершилось предрешенное	- 1.24
34. Миллионы раз	- 1.14
35. Земное Я	- 1.06
<i>Общее время звучания – 46.44</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

1. Я

В сознание сияет она, внушая,
 Что с ней неразлучна вся жизнь моя,
 Что в маленькой в ней бесконечно-большая
 Вселилась Вселенная, вечность тая.

И в ослепление своем убогом,
 Как солнце атомное, ярка,
 Хочет она воплотиться богом
 Микроскопического мирка.

И нет укуса ее ядовитой,
 Язвительная, как змея,
 Тая обиду, стоит в алфавите
 Последняя буква: Я.

2. ЯСТРЕБ

Подсолнух поздний догорал в полях,
 И, вкрапленный в сапфировых глубинах,
 На легком зное нежился размах
 Поблескивавших крыльев ястребиных.

Кладя пределы смертному хотенью,
 Казалось, то сама судьба плыла
 За нами по жнивью незримой тенью
 От высоко скользящего крыла.

Как этот полдень, пышности и лени
 Исполнена, ты шла, смиряя зной.
 Лишь платье билось пеной кружевной
 О гордые и статные колени.

Да там, в глазах под светлой оболочкой,
 На обреченного готовясь пасть,
 Среде синевы темнела знойной точкой,

Поблескивая, словно ястреб, страсть.

3. МОЙ ПОЦЕЛУЙ

К тебе тянусь губами в темноте,
Ловлю во тьме твой поцелуй ответный.
Шепчу слова, но все они не те,
Исчез их сокровенный смысл заветный,
И в плотский мир планетного "люблю"
Я призрак твой никак не уловлю.

Нас разделяют снежные простыни,
Их полотно из голубого льна
Наткала нам разлучница-луна.
Летя к тебе, мой поцелуй остынет
И на твоём окне к стеклу прильнет
Узорным инеем алмазный лед.

4. ПОЛЁТ ЛЮБВИ

Полет любви, он невысок,
Он коршуном над лугом стелется,
Где затаилось средь осок
Глазной дробинкою в висок
Простреленное птичье тельце.

Снегами сбилась простыня.
И вот, несметной звездной сметой
Выскальзывая от меня,
Вуалью млечною дразня,
Ты обнажилась Андромедой.

И твой морозный луч виной,
И я тянусь к тебе, чтоб выше мог
К зениту доплеснуть вино
Последних судорожных выжимок.

5. ДОБЫВАНИЕ ОГНЯ

Любовь! Любовь!
Божественное что-то
Таишь ты, чтоб тобой я чаровался,
И мотыльковое круженье вальса,
И нерест нарастающий фокстрота.

Сонаты лунные чтоб петь могла,
Как скрипка, ночь смычком, волной дробимой,
И шелестящий шаг, и солнце глаз
Твоей Единственной, твоей Любимой!

Но оглашенных соловьев - к чему
Их свадебное оглашеньё?
В стихах и в музыке все - к одному

Приглушенное приглашение!

Пойми... Зовет Завет, и мы не вправе
Противиться, ведь, сердцем кровь гоня,
В Век Электричества над нами правит
Обычай Добывания Огня.

Покорные, друг друга не коря,
Взаимным треньем нежными телами,
Как некогда два голых дикаря,
Добудем искру - Жизни пламя!

6. ПОДОЖДУ НЕМНОГО

Проснулся ночью... Было не до сна:
Увидел я, как в переплет окна
Ломилась с неба полная Луна.

О, как заманчиво она блестела
И властно требовала и хотела,
Чтоб я изведаль невесомость тела!

Но все ж, доверясь встречному лучу,
К ней в гости я с Земли не полечу,
Еще немного выждать я хочу.

Пусть в космосе уляжется тревога
И в небе установится дорога,
Я подожду еще совсем немного.

7. НОЧНОЙ МУЗЫКАНТ

Зал зрительный пред ним во мраке.
Темна его эстрада-щель.
Манишки белой нет во фраке,
Черна его виолончель.

Кромешной темнотой окутан,
Весь в черном с головы до ног,
Певец домашнего уюта,
Но сам бродяга, одинок.

Всегда, но не стеснен футляром,
При музыканте инструмент.
Он требует, играя даром,
Полнейшей тишины взамен.

По нотам ночи без рояля
Играет он один мотив.
Навряд ли вы его видали,
Так он застенчив и пуглив.

Свет потушивши, в час обычный

Прилягте тихо на постель,
И вам сонатою скрипичной
Навеет сон виолончель.

В потемках запоет крылатый
Нечеловеческий смычок
И в грезы сонные сонатой
Безлунной увлечет сверчок.

8. СЛОВНО СОН

Как я, и вы не спите:
Двух ярких звезд сближенье
Влечет воображенье.
Венера и Юпитер, -
Как этой ночью близки
Их пламенные диски!
Бессмертие какое
В блистательном покое,
Какое обаянье
В сближении планетном,
В бестрепетном сиянье
На небе предрассветном!
Богов ли то причуда,
Иль тяготенья чудо,
Но, чем-то вечным тронут,
Я все смотрю, покуда
Их диски не потонут,
Даря свою истому
Рассвету золотому,
Исчезнут, словно сон
Целебный, встретив солнце.

9. ВСПОМИНАЙ

Прозрачна ночь, и до утра
Не разберешься: где ж
Граничат сумрачность утрат
И розовость надежд?

И охрусталив тень свою,
Заря собьет желток -
Прочистит горло соловью,
Чтоб громче петь он мог.

Надрезом сердца, как ствола
Березы, вспоминай, -
Когда любовь тебя звала, -
Любимой имена.

И столько нежности и ласк,
Что скомканный платок,

Ни разу не коснувшись глаз,
Росою слез намок.

10. ХРУСТАЛЬ ДРЕМОТНЫЙ

Твой сон передрагсветный сладок,
И дразнит дерзкого меня
Намеками прозрачных складок
Чуть дышащая простыня.

Но, недотрога, ты свернулась
Под стать мимозе иль ежу.
На цыпочках, чтоб не проснулась,
Уйду, тебя не разбужу.

Какая гладь и ширь какая!
И с якоря вниз головой
Сейчас слечу я, рассекая
Хрусталь дремотный, огневой!

И вспомнив нежную истому,
Еще зовущую ко сну,
Навстречу солнцу золотому
С саженок брызгами блесну.

11. ЗАРЯ

Жарким криком почуяв средь сна,
Что подходит волна огневая,
Петухи встрепенулись, срывая
Саван ночи из лунного льна.
Облака - словно полог пунцовый,
А заря - из огня колыбель.
Глянь, - воскресшего Бога лицо
Выйдет разве сейчас не к тебе.
И душа твоя, птицам родня,
Онемевшие крылья расправит
И, в лазури плескаясь, прославит
Золотое рождение дня.

12. ОСЕННЯЯ ПАУТИНА

И нас - два колоса несжатых -
Смогла на миг соединить
В степи на выжженных раскатах
Осенней паутины нить.

И мы - два пышных пустоцвета -
Следили вместе, как вдали
Средь бледно-золотого света
Чернели клином журавли.

Но к ночи кочевая связь,

Блеснув над коноплей, бурьяном,
С межи заглохшей поднялась
В огне ненастливо-багряном.

И страшен нам раскат пустынный,
И не забыть нам никогда,
Как робко нитью паутинной
Ласкала стебель наш слюда!

13. УЙДИ

Не впитывая с нежной шеи
Твои лилейные снега,
Как в ризах у икон, тускнеют
В подушке синей жемчуга.

Где ж силы у души недужной
Себя с тобой разъединить,
Коль быть без ласк твоих жемчужной
Русалочья не может нить?

А ты так горестно глядела,
Шепча мне тягостно - "уйди",
Как будто выкинуть хотела
Все сердце с кровью из груди!

14. И НЕТ ЕЁ

В качалке пред огнем сейчас сидела,
Блестая дерзостнее и смуглей,
И вместе с солнцем дней истлевших рдела
Средь золота березовых углей.
И нет ее. И печь не огневеет.
Передрассветная томится тьма.
Томлюсь и я. И слышу, близко веет
Ее волос и шеи аромат.
И червь предчувствия мой череп гложет:
Пускай любовь бушует до седин,
Но на последнем позлащенном ложе
Ты будешь тлеть без женщины один.

15. ЛИСТЬЕВ ВОРОХА

Стою один на месте том,
Где в первый раз ты отдавалась.
Один... А день, - как в золотом
Листе, и в нем такая ж вялость.

Как и в деревьях, так и в нём,
От крон, лысеющих по корни,
Сквозит под призрачным огнем
И обреченность, и покорность.

Уже давно с тобой мы врозь.
Не знаю, кто тебя там любит,
Но осень жёлтое шавро
Не для твоих ботинок дубит.

Я, может, не в своем уме.
Хочу тебя, и нашу встречу
Под липой здесь, как в лисий мех,
Горжеткой листьев я отмечу.

И мой порыв к тебе глубок.
Как выразить тоску немую?
И смуглый земляной лобок,
Встав на колени, я целую.

Пусть вспыхнет юный, осиян
Рыжеволосым ореолом,
Весь лес горит... И ты, и я
Затравлены огнем веселым.

И право, долго ль до греха?
Ведь все просеки опустели,
И взбиты листьев вороха
Пышнее свадебной постели...

16. ИДИ ПОТИШЕ

Иди потише И ты услышишь,
Как все землистей
Кружатся листья,
Ложатся листья.

Иди потише И ты услышишь,
Как в блеклой прели,
Теряя прелесть, Хрустит их шелест,
Грустит их шелест.

До первых снежинок Отзолотеет
Их полыханье, Их колыханье,
И зеркальца льдинок
Не запотеют От их дыханья.

17. НЕПОГОДА

Горечь соли,
Едкость йода,
Ветер с воли, -
Непогода.

На рассвете
Вестью чуда

Что за ветер
И откуда?

Режет шквалом
Через стены,
Вьюжит валом
Снежной пены.

Неуемный
Одичало
Дом огромный
Рвет с причала.

Налетело
Злом веселым,
Йодом в тело,
В кровь - рассолом.

Крики чаек
В зыби бурой...
Шторм крепчает
Зимней бурей.

Против штурма
Волн и шквала
Встань, как штурман
У штурвала!

18. ДОРОЖНОЕ

Взмывают без усталости
Стальные тросы жил, -
Так покидай без жалости
Места, в которых жил.

Земля кружится в ярости
И ты не тот, что был, -
Так покидай без жалости
Всех тех, кого любил.

И детски шалы шалости
И славы, и похвал, -
Так завещай без жалости
Огню все, что создал!

19. ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА

На душе тревога -
И копытный стук,
Дальняя дорога,
Холодок разлук.

Словно на рассвете

Дан к отъезду знак.
Стелет зимний ветер
По ногам сквозняк.

Кто-то в дверь выносит
Черный чемодан.
Кто-то мне подносит
Огненный стакан.

Пью я, не пьянея,
И чему-то рад.
Чьи же мне на шею
Руки вдруг взлетят?

Мне ведь не жениться,
Пусть в последний раз
Полыхнут зарницы
Непроглядных глаз.

По ветру без боли
Грусть-тоску раскинь...
Колокольчик в поле:
Динь-динь-динь... динь-динь...

20. ВЕЧЕР ОКТЯБРЯ

Полымем побаловай,
В холодке горя,
Дымчатый, опаловый
Вечер октября.

И в червонной проседи
Клены и дубы,
Вы еще не просите
Скрипом: "Эх, кабы..."

Как под шкурой барсовой,
Смугл, золотоплеч,
Лес горящий, сбрасывай
Листья - землю жечь,

Чтоб - не молодым чета -
Солнечно опал
Жар последний в дымчатый,
Облачный опал!

21. В ТАКУЮ НОЧЬ

В такую ночь, где все бело,
Где лунный свет, как помело,
Как по сусекам, по потемкам
Дымится голубым поземком,

И белка серая бела,
Прижавшаяся у ствола,
И бел песец лакомо-падкий
До снежно-белой куропатки.

И заяц кружится беляк.
Петлями нахлест так и сяк,
И на сосне вздремнувший ворон
Полночной черноте не верен.

И золотой твой волос бел,
И альбиносятся ресницы,
В такую ночь - шепну тебе -
Твой белый поцелуй мне снится,

И я не удивляюсь, ей-ей,
Что если где-нибудь над елкой,
Отряхивая иней, щелкнет
В морозе белый соловей!

22. В ГОРОДЕ

С асфальтом черным дымные котлы
И пыль кирпичная с лесов построек,
И мучат мозг пласты слепящей мглы
Кошмарами больничных белых коек.

От зноя лихорадочных потуг
И душного, лазурного угара
Тревожен шелест крови, зычен стук
Глухого, молниеносного удара.

О, если бы на миг один замкнуть
Ток раскаленный солнечной аорты,
Палящий черную земную грудь,
И жабры легких ливням распахнуть
Сквозь этот воздух мертвенный и спертый!

23. НЕГРИТЯНКА

Шумит маскарад новогодний.
Грохочет неистово джаз,
И ночь новогодняя сводней
Всех в пары свела напоказ.

О, пошлость банальной картины,
Как это избито, старо!
Нигде нет моей Коломбины,
В толпе я мечусь, как Пьеро.

Куда запропала беглянка,
Позором меня заклейма?

Узнал я: она - негритянка
И под руку сразу с двумя!

И голос знакомый, но грубый.
Я знаю - он нежен, не груб.
Как страшен мне смех белозубый
С изысканной тонкостью губ!

Я знаю - под маской-гангреной
На мраморе бледном лица
Грозит она черной изменой,
Ужасной развязкой конца.

Ответила резко и едко.
Стою я, растерян и нем,
И слышу: "Ведь я людоедка.
Отдайте мне сердце - я съем!"

Шутя, она правду сказала,
Но правда страшнее, чем ложь.
На кухню бреду я из зала,
Достать бы у повара нож.

"Что вам?" Отвечаю я кротко:
"Хочу я насытить ее.
Подайте же мне сковородку,
Чтоб сердце зажарить мое!"

Берет меня под руку кто-то:
"Ах, друг мой, вы очень пьяны!"
"А вам-то какая забота?
Лишился я черной жены!"

Зовут медногубые трубы,
Но снегом их зов замело.
От ревности мне и без шубы
На стуже январской тепло.

Пропала... И грусть безысходней
Исчезла на целую жизнь...
Ах, месяц, мой друг новогодний,
Хотя б до утра продержись!

24. ОСМЕЛЬСЯ

Поцелуй на морозе. Осмелься попробуй!
Рот смеющийся - алая скоба,
У ворот посиневший от стужи пробой.
Поцелуешь, пристанешь к железу губами.
Не отцепишь и ласкою не отдаришь.
Приворот ее крепок. Усилий не трать,

Губы в кровь искровавишь, а не отдерешь,
У ворот простоишь, продрожиишь до утра.
И увидишь, примерзнувший к поцелую,
Как, боясь рассвету в силки попасться,
Лунными стаями побегут врассыпную
По снегам голубым голубые песцы.

25. СКРИПКА

Сгустился воздух, как вода.
Аквариумом стала зала,
И только музыка дерзала
Уплыть из времени - куда?

И, изогнув свой желтый таз,
К плечу в платок уткнувшись крепко,
Свой электрический экстаз
С эстрады изливает скрипка.

И канифолью струны вьет
Смычок и болью изошел,
Чтоб в танце о цветистый шелк
Затерся черный шевиот.

26. БОГИНЯ

Толпу поклонников, как волны, раздвигая,
Вы шли в величье красоты своей,
Как шествует в лесах полунагая
Диана среди сонмища зверей.
В который раз рассеянно-устало
Вы видели их раболепный страх,
И роза, пойманная в кружевах,
Дыханьем вашей груди трепетала.
Под электричеством в многоколонном зале
Ваш лик божественный мне чудился знаком:
Не вам ли ноги нежные лизали,
Ласкаясь, тигры дымным языком?
И стала мне понятна как-то вдруг
Богини серебристой синеоконость
И девственно-холодная жестокость
Не гнущихся в объятья тонких рук.

27. НАВАЖДЕНИЕ

По залу бальному она прошла,
Метеоритным блеском пламенея.
Казалась так ничтожна и пошла
Толпа мужчин, спешащая за нею.
И ей вослед хотелось крикнуть: "Сгинь,
О, наваждение, в игре мгновенной
Одну из беломраморных богинь
Облекшее людскою плотью брэнной!"

И он следил за нею из угла,
Словам другой рассеянно внимая,
А на лицо его уже легла
Грозы, над ним нависшей, тень немая.
Чужая страсть вдруг стала мне близка,
И в душу холодом могил подуло:
Мне чудилось, что у его виска
Блеснуло сталью вороненой дуло.

28. ВЕСЁЛЫЙ ВАЛЬС

Ты, смеясь, среди суеты блистала
Вороненым золотом волос,
Затмевая лоск камней, металла,
Яркость мертвенных, тепличных роз.
Прислонясь к камину, с грустью острой
Я смотрел, забытый и смешной,
Как веселый вальс в тревоге пестрой
Увлекал тебя своей волной.
Подойди, дитя, к окну резному,
Прислонись головкой и взгляни.
Видишь - вдоль по бархату ночному
Расцвели жемчужины-огни.
Как, друг другу родственны и близки,
Все слились в алмазном блеске мглы,
В вечном танце пламенные диски -
Радостны, торжественны, светлы.
То обман. Они ведь, так далеки,
Мертвой тьмой всегда разделены,
И в толпе блестящей одиноки,
И друг другу чужды, холодны.
В одиночестве своем они пылают.
Их миры громадны, горячи.
Но бегут чрез бездну - остывают,
Леденеют жгучие лучи.
Нет, дитя, в моей душе упреков.
Мы расстались, как враги, чужды,
Скрывши боль язвительных намеков,
Горечь неразгаданной вражды.
Звездам что? С бесстрашием металла
Освещают вечность и хаос.
Я ж все помню - ласку рта коралла,
Сумрак глаз и золото волос.

29. ЭХ, ЕСЛИ

Эх, если бы украсть тебя от мужа
И ночью голую, не прошептав "люблю",
В кошму закутать, прикрутить потуже,
Да припустить коня по ковылю.
Лишь свист в ушах. Безудержною скачкой

Несись, питомец бешенный степей, -
Но пеной, брызжущей с удил, не пачкай
Открытых плеч невольницы моей...
Уж близок полдень. В зное беркут клекчет,
И солончак слепит средь камыша
Привстал скакун, и слышно - сзади легче
Добыча бьется, трепетно дыша.
Пора и мне раскинуться привалом,
Пусть бродит конь, покинувший узду.
И ты забудешь дикую езду,
Когда поднимет на восходе алом
Венера серебристую звезду.
Твои зрачки то полыхнут, то меркнут.
Я поцелую пью с ресниц слезу.
И тенью точкою скользя внизу
Под солнцем, словно торжествуя, беркут
Мрачит железным клетком бирюзу...
Но тщетно тешусь грезю преступной:
Очнувшись, слышу ваш надменный смех
И вижу в блеске холод недоступный
Роскошных плеч, одетых в шелк и мех.

30. НЕСОРВАВШЕЕСЯ СЛОВО

В полях бывает лишь такая
Пред тучей градовой тишь.
Грозе затишьем потакая,
Как изваянье, ты стоишь.

С губ несорвавшееся слово -
Трубой змеящаяся медь, -
Средь мертвой тишины готово,
Как выстрел, гулко прогреметь.

Без слез, без жалоб, без молений
Хочу в последний раз опять
Твои из мрамора колени
Сквозь черный шелк поцеловать.

31. ДИКАЯ ИГРА

Пары сгущая в алый кокон, -
Как мудрый огненный паук,
Ткет солнце из цветных волокон
За шелковистым кругом круг.

И тяжким тяготеньем сбиты,
И в жидком смерче сгущены,
Всего живущего орбиты
И раскаленны и красны.

И ты, мой дух слепой и гордый,

Познай, как солнечная мгла,
Свой круг и бег алмазно-твердый
По грани зыбкого стекла.

Плавь гулко в огненном удушье
Металлов жидкие пары
И славь в стихийном равнодушье
Раздолье дикое игры!

32. БЫВАЮТ МИНУТЫ

Бывают минуты... Как красные птицы
Над степью раздольной в лиловом кругу,
Махают крылами глухие зарницы
В разгульно-кроваво шумящем мозгу
Тогда гаснет глаз твоих сумрак червонный,
Отлив твоих галочки-черных волос,
И нервы, и вены волной воспаленной
Зальет сладкий морфий, кошмарный гипноз.
И чужд тогда станет мне путь звездомлечный,
Вопль грозный пророков про Мечь и про Суд...
Гремит в свете факелов хохот беспечный,
Кентавры грудь пьяных весталок сосут
И я вместе с ними полночью пирую,
И жертвенник винною влагой мочу,
И белые груди бесстыдно целую,
И хрипло пою, хохочу и кричу.
Умолкнет пусть клекот сомнений, печалей,
Могучая музыка солнечных сфер!
Пусть только звенит гимн ночных вакханалий
И блещут открытые груди гетер...
А с бледным рассветом холодное дуло
Бесстрастно прижать на горячий висок,
Чтоб весело кровь алой струйкой блеснула
На мраморный пол, на жемчужный песок.

33. СВЕРШИЛОСЬ ПРЕДРЕШЕННОЕ

Свершилось предрешенное. И вот
Для пытки медленной, для унижений
Меня влекут на черный эшафот
К тебе в покой ведущие ступени.
А наверху, как будто лезвие,
На солнце иссекающее пламя,
Я знаю - ждет меня лицо твое
Безжалостное с синими глазами
Под мертвою плевою. А давно ль
По этим самым ступеням взбегая,
Я знал, что ждет меня (уймись же, боль)
Богиня радостная и нагая.
Здесь все на миг. Где избранные те,

Чьи души движутся в любви бессмертной
Незыблемо, как звезды в высоте,
Вращаемые силою инертной.
Мужчине быть рабом любви - смешно.
Смири ж тоску железом и не требуй
От смертной женщины того, что небу
В его светилах солнечных дано.

34. МИЛЛИОНЫ РАЗ

Все это было миллионы раз:
Так было и у нашей колыбели,
В зарю младенческих молочных глаз
Отец и мать с надеждою смотрели...

Все это было миллионы раз:
Вдруг онемев от соловьиной трели,
В зрачки расширенных луною глаз
Влюбленные восторженно смотрели...

Все это было миллионы раз:
У тела еще теплого в постели
В недвижность устремленных в вечность глаз
С рыданьем жалким близкие смотрели...

Все это было миллионы раз
До нас и будет после нас,
Все это будет миллионы раз.

35. ЗЕМНОЕ Я

У пропасти ты встанешь на краю,
Пусть лижет ноги бездна, угрожая.
Захочешь ты осмыслить жизнь свою,
А жизнь своя вдруг станет, как чужая.

И ты почувствуешь так ясно вдруг
Желаний и стремлений всех бесцельность,
Ты в световой волне, все шире круг,
А впереди и сзади - беспредельность.

И явственно из бездн небытия
В потоке звездном миллионолетий
Является твоё земное Я
На переплавленной в огне планете!